

III. ИЗ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н.А. БЕРДЯЕВ

ПИКАССО¹

Когда входишь въ комнату Пикассо галлереи С.И. Щукина, охватываетъ чувство жуткаго ужаса. То, что ощущаешь, связано не только съ живописью и судьбой искусства, но съ самой космической жизнью и ея судьбой. Въ предшествующей комнате галлереи былъ чарующий Гогенъ. И кажется, что переживалась последняя радость этой природной жизни, красота все еще воплощенаго, кристаллизованнаго міра, упоенность природной солнечностью. Гогену, сыну рафинированной и разлагающейся культуры, нужно было бежать на острова Таити, къ экзотической природе и экзотическимъ людямъ, чтобы найти въ себе силу творить красоту воплощенной, кристаллизованной, солнечной природной жизни. После этого золотого сна просыпаешься въ комнате Пикассо. Холодно, сумрачно, жутко. Пропала радость воплощенной, солнечной жизни. Зимний космический ветеръ сорвалъ покровъ за покровомъ, опали все цветы, все листья, содрана кожа вещей, спали все одеяния, вся плоть, явленная въ образахъ нетленной красоты, распалась. Кажется, что никогда уже не наступить космическая весна, не будетъ листьевъ, зелени, прекрасныхъ покрововъ, воплощенныхъ синтетическихъ формъ. А если и будетъ весна, то совсѣмъ уже иная, новая, небывалая, съ листьями и цветами нездешними. Кажется, что после страшной зимы Пикассо миръ не зацвететь уже какъ прежде, что въ эту зиму падаютъ не только все покровы, но и

---

¹ Впервые напечатано в журнале: София. – Москва., 1914. – № 3. – С. 57–62. – Приводится в авторской орфографии.

весь предметный, телесный миръ расшатывается въ своихъ основахъ. Совершается какъ бы таинственное распластование космоса.

Пикассо – гениальный выразитель разложения, распластования, распыления физического, телеснаго, воплощенного міра. Съ точки зрения истории живописи понятень raisons d'etre, возникновение кубизма во Франции. Пикассо предшествовалъ такой крупный художникъ, какъ Сезанъ. Французская живопись уже долгое время, со времени импрессионистовъ, шла по пути размягчения, утери твердыхъ формъ, по пути исключительной красочности. Кубизмъ есть реакция противъ этого размягчения, исканье геометричности предметнаго мира, скелета вещей. Это – искания аналитическая, а не синтетическая. Все более и более невозможно становится синтетически-целостное художественное восприятие и творчество. Все аналитически разлагается и расчленяется. Такимъ аналитическимъ расчленениемъ хочетъ художникъ добраться до скелета вещей, до твердыхъ формъ, скрытыхъ за размягченными покровами. Материальные покровы мира начали разлагаться и распыляться и стали искать твердыхъ субстанций, скрытыхъ за этимъ размягчениемъ. Въ своеемъ искании геометрическихъ формъ предметовъ, скелета вещей Пикассо пришелъ къ каменному веку. Но это – призрачный каменный векъ. Тяжесть, скованность и твердость геометрическихъ фигуръ Пикассо лишь кажущаяся. Въ действительности геометрическая тела Пикассо, складные изъ кубиковъ скелеты телеснаго мира, распадутся отъ малейшаго прикосновения. Последний пластъ материального мира, открывшийся Пикассо-художнику после срываия всевъ покрововъ, – призрачный, а не реальный. Прозрениямъ художника не открывается субстанциальность материального міра, – этотъ миръ оказывается не субстанциальнымъ. Пикассо – беспощадный разоблачитель иллюзий воплощенной, материально-синтезированной красоты. За пленяющей и прельщающей женской красотой онъ видить ужасъ разложения, распыления. Онъ, какъ ясновидящий, смотрить черезъ все покровы, одежды, напластования, и тамъ, въ глубине материального міра, видить свои складныя чудовища. Это – демоническая гримасы скованныхъ духовъ природы. Еще дальше пойти въ глубь, и не будетъ уже никакой материальности, – тамъ уже внутренний строй природы, иерархия духовъ. Кризисъ живописи какъ бы ведеть къ

выходу изъ физической, материальной плоти въ иной, высший планъ.

Живопись, какъ и все пластическихъ искусствъ, была воплощениемъ, материализацией, кристаллизацией. Высшие подъемы старой живописи давали кристаллизованную, оформленную плоть. Живопись была связана съ крепостью воплощенного физического мира, съ устойчивостью оформленной материи. Ныне живопись переживаетъ небывалый еще кризисъ. Если глубже вникнуть въ этотъ кризисъ, то его нельзя назвать иначе, какъ дематериализацией, развоплощениемъ живописи. Въ живописи совершается что-то, казалось бы, противоположное самой природе пластическихъ искусствъ. Все уже какъ будто изжито въ сфере воплощенной, материально-кристаллизованной живописи. Искусство окончательно отрывается отъ античности. Начинается процессъ проникновения живописи за грани материального плана бытия. Въ старой живописи было много духа, но духа воплощенного, выражимаго въ кристаллахъ материального мира. Ныне идеть обратный процессъ: не духъ воплощается, материализуется, а сама материя дематериализуется, развоплощается, теряетъ свою твердость, крепость, оформленность. Живопись погружается вглубь материи и тамъ, въ самыхъ последнихъ пластиахъ, не находить уже материальности. Если прибегнуть къ теософической терминологии, то можно сказать, что живопись переходить отъ тель физическихъ къ теламъ эфирнымъ и астральнымъ. Уже у Брубеля началось жуткое распыление материального тела. У Пикассо колеблется граница физическихъ тель. Те же симптомы есть и у футуристовъ, въ ихъ ускоренномъ темпе движения. Реклама и шарлатанство, искажающая искусство сегодняшняго дня, имеютъ глубокия причины въ распылении всякой жизненной кристальности. Уже у импрессионистовъ начался какой-то разлагающий процессъ.

И это не отъ погружения въ духовность, а отъ погружения въ материальность происходить. Ранняя итальянская живопись была полна глубокой духовности, но духъ въ ней воплощался. Въ современномъ искусстве духъ какъ будто бы идеть на убыль, а плоть дематериализируется. Это очень глубокое потрясение для пластическихъ искусствъ, которое копелбеть самое существо пластической формы. Дематериализация въ живописи можетъ производить впечатление окончательного краха искусства. Живопись также

связана съ кристаллами оформленной плоти, какъ поэзия съ кристаллами оформленнаго слова. Разложение слова, его распыление должно производить впечатление гибели поэзии. А ведь поистине совершается такое же распыление кристалловъ слова, какъ и кристалловъ плоти. Не буду говорить о футуристической поэзии, которая до сихъ поръ не дала ничего значительного. Но воть Андрей Белый, котораго я считаю самымъ оригинальнымъ, значительнымъ, близкимъ къ гениальности явлениемъ русской литературы, можетъ быть названъ кубистомъ въ литературе. Въ его романе «Петербургъ» можно открыть тотъ же процессъ распластования, разслоения космической жизни, что и въ картине Пикассо. Въ его изумительныхъ и кошмарныхъ словосочетанияхъ распыляются кристаллы слова. Онъ такой же жуткий, кошмарный художникъ, какъ и Пикассо. Это жуть отъ распыления, отъ гибели мира, точнее – не мира, а одного изъ воплощений мира, одного изъ плановъ мировой жизни¹.

И думается горькая и печальная дума о томъ, что не будетъ уже прекрасныхъ тель, чистыхъ кристалловъ радостей воплощенной жизни, синтетически-целостныхъ восприятий вещей, органической культуры.

Все это пассеизмъ, и пассеисты обречены на щемящую печаль, на вздохание о прошломъ, на жуткий ужасъ отъ гибели воплощенной красоты мира. Архитектура уже погибла безвозвратно, и гибель ея очень знаменательна и показательна. Съ гибелюю надежды на возрождение великой архитектуры гибнетъ надежда на новое воплощение красоты въ органической, природно-телесной народной культуре. Въ архитектуре давно уже одержала победу самый низменный футуризмъ. Кажется, что въ мире материальной воплощенности, телесности все уже надломлено безповоротно, все уже detra-que. Въ этомъ плане бытия невозможна уже органическая, синтетически-целостная радость, упо-

---

¹ Возможенъ кубизмъ и въ философии. Такъ, критическая генеология въ последнихъ своихъ результатахъ приходить къ распластованию и распылению бытия. Въ русской философии последняго времени настоящимъ кубистомъ является Б. Яковенко. Его философия есть плюралистическое разложение бытия. См. его статьи въ «Логосъ». Характерно, что въ Германии появилась уже работа, проводящая параллель между Пикассо и Кантомъ.

енность красотой. Кажется, что въ самой природе, въ ея ритме и круговороте что-то безповоротно надломилось и изменилось. Нетъ уже и быть не можетъ такой прекрасной весны, такого солнечного лета, нетъ кристалличности, чистоты, ясности ни въ весне, ни въ лете. Времена года смешиваются. Не радуютъ уже такъ восходы и закаты солнца, какъ радовали прежде. Солнце уже не такъ светить. Въ самой природе, въ явленияхъ метеорологическихъ и геологическихъ совершаются таинственный процессъ аналитического разслоения и распластования. Это чувствуютъ ныне многие чуткие люди, обладающие мистической чувствительностью къ жизни космической. О жизни человеческой, о человеческомъ быте, о человеческой общественности и говорить нечего. Тутъ все яснее видно, ощущимее. Наша жизнь есть сплошная декристаллизация, дематериализация, развоплощение. Успехи материальной техники только способствуютъ распылению историческихъ тель, устойчивой плоти родовой жизни. Все устои колеблются, и съ ними колеблется не только былое зло и неправда жизни, но и былая красота и былой уютъ жизни. Материальный миръ казался абсолютно устойчивымъ, твердо скристаллизованнымъ. Но эта устойчивость оказалась относительной. Материальный миръ не субстанциаленъ – онъ лишь функционаленъ. Изжиты уже те состояния духа, которыя породили эту устойчивость и кристаллизованность воплощенного материального мира. Ныне духъ человеческий вступаетъ въ иной возрастъ своего бытия, и симптомы распластования и распыления материального мира можно видеть всюду: и въ колебанияхъ родовой жизни и всего быта нашего, къ роду прикрепленного, и въ науке, которая снимаетъ традиционныя границы опыта и принуждена признать дематериализацию, и въ философии, и въ искусстве и въ оккультическихъ теченияхъ, и въ религиозномъ кризисе. Разлагается старый синтезъ предметнаго, вещнаго мира, гибнуть безвозвратно кристаллы старой красоты. Но достижений красоты, которая соответствовала бы другому возрасту человека и мира, еще нетъ. Пикассо – замечательный художникъ, глубоко волнующий, но въ немъ нетъ достижений красоты. Онъ весь переходный, весь – кризисъ.

Тяжело, печально, жутко жить въ такое время человеку, который исключительно любить солнце, ясность, Италию, латин-

ский гений, воплощенность и кристалличность. Такой человекъ можетъ пережить безмерную печаль безповоротной гибели всего ценнаго въ мире. И лишь въ глубинахъ духа можно найти противоядие отъ этого ужаса и обрести новую радость. Въ германской культуре менее чувствуется этотъ кризисъ, такъ какъ германская культура всегда была слишкомъ исключительно духовна и не знала такой воплощенной красоты, такой кристаллизации въ материи. Миръ меняетъ свои покровы. Материальные покровы мира были лишь временной оболочкой. Отъ космического ветра должны осыпаться старые листья и цветы. Ветхия одежды бытия гниютъ и спадаютъ. Это – болезнь возраста бытия. Но бытие неистребимо въ своей сущности, нераспылимо въ своемъ ядре. Въ процессе космического распыления одежды и покрововъ бытия долженъ устоять человекъ и все подлинно сущее. Человекъ, какъ образъ и подобіе бытия абсолютнаго, не можетъ распылиться. Но онъ подвергается опасности отъ космическихъ вихрей. Онъ не долженъ отдаваться воле ветра. Въ художестве Пикассо уже нетъ человека. То, что онъ обнаруживаетъ и раскрываетъ, совсѣмъ уже не человеческое; онъ отдаетъ человека воль распыляющаго ветра. Но чистый кристалль человеческаго духа неистребимъ. Только современное искусство уже безсильно творить кристаллы. Ныне мы подходимъ не къ кризису въ живописи, какихъ было много, а къ кризису живописи вообще, искусства вообще. Это – кризисъ культуры, осознание ея неудачи, невозможности перелить въ культуру творческую энергию. Космическое распластование и распыление порождаетъ кризисъ всячаго искусства, колебание границъ искусства. Пикассо – очень яркий симптомъ этого болезненнаго процесса. Но такихъ симптомовъ много. Передъ картинами Пикассо я думалъ, что съ миромъ происходит что-то неладное, и чувствовалъ скорбь и печаль гибели старой красоты мира, но и радость рождения новаго. Это великая похвала силе Пикассо. Те же думы бываютъ у меня, когда я читаю оккультическая книги, общаясь съ людьми, живущими въ этой сфере явлений. Но верю, верю глубоко, что возможна новая красота въ самой жизни и что гибель старой красоты лишь кажущаяся намъ по нашей ограниченности, потому, что всякая красота – вечна и присуща глубочайшему ядру бытия. И разслабляющая печаль должна быть преодолена. Если можно сказать,

какъ истину предпоследнюю, что красота Боттичелли и Леонардо погибнуть безвозвратно вместе съ гибелю материального плана бытия, на которомъ она была воплощена, то, какъ последнюю истину, должно сказать, что красота Боттичелли и Леонардо вошла въ вечную жизнь, ибо она всегда пребывала за неустойчивымъ покровомъ космической жизни, которую мы именуемъ материальностью. Но новое творчество будетъ уже инымъ, оно не будетъ уже пресекаться притяжениемъ къ тяжести этого мира. Пикассо – не новое творчество. Онъ – конецъ старого.